

Большинство анархистов-участников съезда являлись также работниками различных коммерческих организаций.

Съезд начался с обсуждения проблем отечественного анархо-движения; члены Альянса Казанских Анархистов представили собранию свой "Манифест-93", в котором проанализировали деятельность анархического движения за последние пять лет. Собравшиеся обсуждали вопросы информационного обмена между анархистами; был отмечен значительный вклад, который сделан в этом направлении Информационно-Издательским Агентством Анархистов "АН-ПРЕСС".

Поскольку съезд объединил представителей не только политических, но и коммерческих организаций, участники встречи развернули бурную дискуссию о регулировании экономики государством, налоговом беспределе и усилении бюрократизма.

В результате участники съезда пришли к выводу о необходимости создания и регистрации новой организации анархистов с четкой структурой, центральным координационным органом и статусом политической партии.

В процессе долгих обсуждений было решено остановиться на названии "Союз Вольных Тружеников". Исполкому СВТ было поручено приступить к регистрации Союза Вольных Тружеников в Санкт-Петербурге, как региональной организации, с целью последующего её перерастания в межрегиональную, республиканскую.

По мнению большинства участников съезда социальной базой Союза должен стать "средний слой" общества. Среди своих соратников Союз Вольных Тружеников готов видеть организации анархической, либеральной, правозащитной, экологической направленности.

Съездом было решено финансировать издание "Бюллетеня АН-ПРЕСС" на долевой основе. Участники съезда поддержали также инициативу петербургских анархистов - членов АДС и АО "Демарх" - по изданию научно-популярного журнала "Черная Линия". Редакция журнала разместится в Санкт-Петербурге.

Основные цели и задачи СВТ изложены участниками в Декларации Учредительного съезда Союза Вольных Тружеников. В качестве основных можно отметить следующие:

1. Снижение степени вмешательства государства в сферу деятельности личности.
2. Предоставление неограниченной политической свободы всем гражданам и организациям.
3. Ликвидация государственной экономики путем передачи всей государственной собственности гражданам, либо их объединениям.
4. Устранение государственного регулирования производства, торговли и других сфер экономики, а также культуры.
5. Отмена всех видов косвенных налогов, снижение налогов на негосударственные экономические структуры до уровня не более 10% от прибыли.

Отрицая революционный, насильственный путь преобразования общества, СВТ поставил задачу добиваться свободы личности и социального развития мирными ненасильственными средствами.

Россия страна крайностей. Здесь анархия внизу политической системы может вполне ужиться с диктатором наверху её. В качестве примера можно привести царское правительство, которое смогло просуществовать достаточно долго /1613-1913/ без особых потрясений именно потому, что сохраняло в неприкосновенности другую крайность - крестьянскую самоуправляемую общину, которая существовала во многом на анархических принципах. Известный русский философ Н.Бердяев писал: "Русское понимание свободы было связано в большей степени с принципиальным анархизмом, чем с либерализмом".

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод, что русские анархисты могут выступить не только в качестве субъекта возмущения и протеста, но и в качестве субъекта социально-экономических преобразований в нашей стране. Таким образом анархо-реформизм может стать реальной объединяющей силой в этой работе.

Брайан Мартин - профессор
Вуллонгонского университета
(Австралия)

ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ ВЫБОРОВ

Доводы против выборов.

Идея выборов как основного демократического механизма принадлежит к глубоко укоренившимся на Западе. И очень не легко отказаться от нее. Еще в школе дети знакомятся с выборами, они голосуют на выборах в школьный совет или клуб. Впоследствии средства массовой информации постоянно привлекают наше внимание к политикам и кампаниям, приводящим их к власти. Действительно, связь, которую большинство людей имеет со своими руководителями, осуществляется в основном через избирательную урну. Таким образом, неудивительно, что выборы у нас освящены. И если в какой-либо стране они не проводятся (или являются фиктивными), то это воспринимается как существенный минус.

Голосование не работает.

На простейшем уровне голосование плохо работает в том смысле, что не способно сделать серьезный вызов господствующей власти. Главная проблема очевидна. Избранный представитель не ограничен реально рамками определенной политики, какими бы ни были предпочтения его избирателей. Наибольшее влияние на политика последние могут оказать лишь во время выборов, после которых представитель освобождается от общественного контроля (его отзыв фактически невозможен до следующих выборов), но подвергается

сильному давлению властимущих, особенно корпоративных групп, бюрократов, чиновников, политических партий. Все мы знаем примеры политических деятелей, которые что называется "продались", отказавшись от провозглашаемых идеалов и своих торжественных обещаний. По иронии судьбы, это верно как для крайне правых, так и для крайне левых. Правые радикалы были сильно разочарованы Рональдом Рейганом. Обычно продажность целиком относят на счет самого индивида, но это несправедливо и вводит в заблуждение. Морально политики мало отличаются от нас. Однако, ожидание и давление на них гораздо больше, чем на кого-либо еще. Обладание большой властью привлекает самых амбициозных и жестких людей, выявляет их худшие черты. И обвинять надо не их, а систему. В принципе, выборы отлично работали бы в политических системах с небольшим контингентом избирателей, где подотчетность осуществлялась бы через регулярные контакты. Выборы в городское собрание Новой Англии можно оправдать с гораздо большим успехом, чем в национальный парламент, принимающий решения, затрагивающие миллионы людей. В таких больших системах развита целая сеть вспомогательных механизмов: политические партии, реклама, манипуляция новостями, региональные проекты правительства, двухпартийная политика. Партийная машина выбирает кандидатов, проводит предвыборную агитацию, собирает голоса, излагает платформу. Кандидатов рекламируют как стиральный порошок, подчеркивая их личные качества. Манипулирование новостями включает в себя разнообразные приемы, посредством которых средства массовой информации попадают в зависимость от правительства. Щедрость последнего в отдельных регионах - стандартный метод привлечь (или запугать). Наконец, двухпартийная политика, то есть представление идентичных или весьма похожих движений (или партий) как конкурирующих, что сужает круг вопросов, которые могли бы стать предметом дискуссии или дебатов. В сущности, избирателям предлагают избирать между двойниками "бомбардируют" их вышеперечисленными способами, заставляя качнуться в ту или иную сторону.

Поистине выборы дают полномочия политикам, а никак не избирателям. Многие социальные движения непрерывно вовлечены в предвыборные кампании. Для этого есть несколько причин. Одна из них - вовлечение членов партий в различные общественные течения. Другая - стремление к власти лидеров таких течений. Благожелательное внимание какого-нибудь министра из правительства у них вызывает пьянящее ощущение, а собственное избрание в парламент еще больше подстегивает самолюбие. Что забыто во всей этой "политике влияния", так это как она отражается на обычных, что называется рядовых членах общественных движений. Ведь эффект "лишения полномочий" в результате выборов распространяется и на активистов, и на неактивистов. Способ, которым выборы служат интересам государственной власти, замечательно описан Бенджамином Гинзбергом. Его главный тезис состоит в том, что исторически выборы расширяли количество людей, участвующих в "политике", при

этом одновременно (по мере превращения голосования в рутинный порядок) выборы уменьшали риск более радикальных прямых акций. Расширение избирательных прав обычно преподносится как триумф угнетенных, их победа над привилегиями. Рабочие голосуют против имущих классов, женщины пытаются противостоять своими голосами доминированию мужчин. Гинзберг оспаривает такой подход. Он доказывает, что избирательное право во многих странах расширялось во времена, когда общественность не особенно настаивала на этом. Почему же, собственно, так происходило? Голосование необходимо для "узаконивания" правительства. Для укрепления его легитимности, если требовалось, и расширяли права. Этот шаг необходим, когда доверие масс критически важно, например, во время войны. Подобную картину можно наблюдать и в других сферах. Представители рабочих на административных советах корпораций, в различных правлениях служат для сглаживания недовольства, несогласия; также поступают и со студенческими представителями на совете университета. Гинзберг показывает, что выборы проводятся с целью направить политическую активность масс в нужное русло: голосование и предвыборная кампания. Людям говорят, что они могут участвовать: они не полностью исключены из процесса принятия решений. Но одновременно им указывают и на границы участия. Голосование происходит только от случая к случаю, в сроки, устанавливаемые правительством. Оно служит для отбора лидера, а не для прямого выбора направления политики. Наконец, голосование не принимает в расчет эмоции: голос равнодушного или дезинформированного избирателя считается как и голос хорошо осведомленного и небезразличного. Таким образом, голосование служит для обуздания политической активности, делая участие в политическом процессе рутинным делом, которое позволяет избежать массовых восстаний. Расширение избирательных прав помогает уменьшить вероятность того, что восстание угнетенных или лишенных отдельных прав групп будет выглядеть как справедливое. Всегда можно заявить, что им следовало бы действовать через "общепринятые каналы", используя право голоса.

Голосование усиливает власть государства.

Наиболее важное замечание Гинзберга состоит в том, что выборы создают впечатление, будто правительство служит интересам людей (или что оно способно это делать). Основание современного государства несколько веков назад было бы встречено с большим сопротивлением: народ отказался бы платить налоги, служить в армии по призыву, следовать законам, принятым национальным правительством. Введение института голосования и расширение избирательных прав сильно помогли экспансии государственной власти. Вместо того, чтобы видеть в ней систему правителей и управляемых, люди видят, по меньшей мере, возможность ее использования в своих интересах. Участие в выборах увеличилось, а степень сопротивления налогам, военной повинности и громадному числу законов, регулирующих поведение, значительно уменьшилось. Ирония же, по Гинзбергу, в том, что экспансия государственной

власти, узаконенной голосованием, сейчас переросла всякий контроль со стороны тех, кто сделал все это возможным. Государства сегодня настолько велики и сложны, что ожидать сколько-нибудь эффективного народного контроля не приходится. Гинзберг комментирует это так: "идея о том, что участие в выборах подразумевает народный контроль над правительством так глубоко укоренилась в сознании большинства американцев, что даже самые явные скептики не могут полностью освободиться от нее".

Анализ Гинзберга подсказывает третье ограничение системы выборов: она опирается на государство и укрепляет власть. Конечно, это лишь другая грань двух предыдущих ограничений, то есть первого, что выборы не работают на перемены (так как государственная машина ориентирована на другие цели) и второго, что выборы лишают власти основные массы людей (так как энергия направляется на государство). Главное в анархистской критике голосования это узаконивание государства посредством голосования. Ведь если государство - неотъемлемая часть проблемы, то есть является главным фактором войн, геноцида, репрессий, экономического неравенства, доминирования мужчин, разрушения окружающей среды, - то глупо ожидать, что избранием нескольких новых лидеров государства можно преодолеть эти проблемы.

Даже если государство иногда содействует достижению ценных результатов, это не отменяет его порочности и невозможности реформирования. К неререформируемым аспектам государства можно отнести его монополию на насильственную "легитимность", и, как следствие, его право на принуждение в военных целях, на внутрисполитический контроль, на сбор налогов, на защиту прав собственности и бюрократических привилегий. Проблема голосования - это проблема его несоответствия основным предпосылкам государства, которые не допускают открытых дебатов, не говоря уже о несогласии. Никогда не оспаривается монополия государства использовать насилие для войны. Точно так же как использование насилия против внутренних мятежей. Никогда не ставится под вопрос право государства "вытаскивать" из населения экономические ресурсы, его гарантии прав частной собственности (при капитализме) либо прерогатив бюрократов (при социализме) либо сразу и того и другого. Выборы могут привести к переменам в политике. Это, конечно, хорошо и великолепно. Но политика осуществляется в рамках все той же государственной машины, которая является главным ограничителем. Таким образом выборы узаконивают этот ограничительный механизм. Поэтому есть только один способ ответить на ограниченность системы выборов - выступить против нее. Это полезно для осознания широкой общественностью всех пороков избирательной системы.

Но такая критика нуждается в дополнении альтернативами государству. Это более трудная задача. В конце концов, нет смысла критиковать выборные методы, если нет ничего лучше.

Альтернативы выборам.

Какие альтернативы существуют государству и избирательной

системе? На эту тему написано громадное количество литературы, особенно анархистской. Поэтому я могу лишь выделить некоторые интересные, относящиеся к данному вопросу идеи. При этом я остановился на недостатках стандартного подхода к проблеме, поскольку необходимость быть критичным в отношении альтернативных вариантов не менее важна, чем в отношении существующей системы.

Референдумы. Одна группа альтернатив основана на прямом вовлечении масс в политический процесс посредством голосования, с использованием механизмов отзыва, инициативы, петиций и референдумов. Если говорить кратко, то вместо выборных политиков, могущих принимать политические решения, эти решения принимаются народом. Референдумы широко проводились в Соединенных Штатах, каждый раз пугая правящие классы. Фторирование воды, подаваемой для общественного пользования для защиты зубов, вызвало к жизни сотни референдумов. Более часто получали отрицательный результат к ужасу тех, кто предложил фторирование. В итоге они настояли на прекращении референдумов и попытались добиться разрешения непосредственно правительством. В действительности, референдумы были только дополнением к политической системе, основанной на выборных представителях. Можно, конечно, представить себе мощную экспансию референдумов, особенно принимая во внимание компьютерные технологии. Некоторые рисуют будущее, в котором каждый телевизор будет оснащен оборудованием для прямого "электронного" голосования. Вопрос, выдвигаемый на референдум, будет передаваться по радио и телевидению, сразу после чего последует голосование. Что может быть более демократичным?

К сожалению, есть несколько серьезных изъянов в таком предложении. Они уходят своими корнями глубже, чем проблема манипулирования средств массовой информации, заинтересованности богатых, или чем страхи экспертов и элиты за безответственность людей при таком голосовании. Главная проблема в том, кто и как будет выбирать вопросы, выносимые на референдум. Кто решит, какой материал за и против обнародовать по каждому конкретному вопросу? Кто решит, насколько широким должен быть вопрос? и т.д. и т.п. Фундаментальная проблема - не просто проблема пристрастия, влияния. Это проблема участия. Участие в процессе принятия решений подразумевает не только голосование по заранее подготовленному вопросу, но и участие в его формулировании и процессе отбора из ряда других. А это как раз то, что не так-то просто организовать, когда затронуты миллионы людей, даже при наличии современной электорники. Вот в чем заключается основное ограничение референдума. Ключевая проблема данного ограничения - это соотношение личного выбора и большого числа участников голосования. Даже когда в процесс голосования вовлечено несколько граждан, как бывает, например, в случае референдумов, проводимых на основании гражданской инициативы, большинство людей не имеет шанса сказать по этому поводу более, чем просто да или нет. Возможность поставить вопрос иначе недоступна. Другой недостаток референдумов относится к порокам процесса голосования как

такового. Часто право большинства означает давление и ограничение прав меньшинства. Эта проблема остро встает именно при прямом голосовании, хотя, несомненно, фигурирует и в представительной системе. Исторически проведение референдумов предполагает существование бюрократического аппарата для выполнения принятых решений. Кроме того, референдумы не организуются сами собой. Кто же тогда этим занимается? Государство. Практически, референдум есть способ увеличить число "посвященных" в рамках централизованной административной системы. Последняя проблема не присуща референдуму как методу, она свойственна голосованию вообще. Поэтому задача состоит в том, как обновить референдум в качестве части более открытого политического процесса.

Консенсус. За последние 20 лет консенсус получил широкое распространение в ряде общественных движений, особенно в движении против использования ядерной энергии. Выражаясь предельно обще, консенсус есть достижение соглашения. Применительно же к общественным движениям этот термин используется в более конкретном, специфическом смысле.

Основной целью для группы в целом похоже мыслящих людей является нахождение единого решения без отчуждения кого-либо из членов коллектива. Это может быть совместная работа над газетой или групповое планирование акции протеста против военной доктрины. Голосования избегают по нескольким причинам. Те, кто проиграл голосование по очень спорному или слишком их затрагивавшему вопросу, часто отказываются подчиниться позиции большинства, иногда дело заканчивается их выходом из группы. Много энергии тратится на лоббирование и создание фракций скорее в целях победы на голосовании, чем в целях организации надлежащей кампании. Наконец, инновационные предложения часто игнорируются, поскольку кажутся не имеющими шансов при голосовании.

Главная процедура консенсуса - обсуждение и дебатирование различных точек зрения. Когда все приходят к соглашению, проводится тест. Если все согласны, консенсус достигнут. Если же кто-нибудь не согласен, то его просят свои возражения обосновать. Консенсус не достигается в случае сильного сопротивления хотя бы одного участника (или в некоторых модификациях, небольшой группы). Если консенсуса не достигли, то ищут пути соглашения. Перепроверяются аргументы, обсуждаются новые предложения, решение откладывается до более позднего срока. Например, группа может разбиться на подгруппы и т.д. и т.п. Во многих случаях процедура замечательно работает. Те, чьи взгляды отличаются от общих, видят, что их принимают всерьез. Это делает группу сплоченной. Иногда взгляд меньшинства становится в конце концов почвой для консенсуса: не принимаются скороспелые решения отбросить его. Более всего вдохновляет то, что иногда в поисках консенсуса разрабатываются блестящие нетривиальные решения. То, что метод консенсуса часто хорошо срабатывает, не следовало бы воспринимать как нечто удивительное, поскольку он неосознанно используется в различных ситуациях. Во многих организациях официальное

голосование не более чем ритуал, так как его редко проводят, пока предварительно не убедятся, что все согласны, или, по крайней мере, что нет категорически несогласных. Практика достижения консенсуса формализует этот процесс. Это важно, как только группа принимает большие размеры. В таком случае есть много способов вовлечения подгрупп и делегатов в обсуждение, что гарантирует достижение (или подход) консенсуса. Существенная разница между консенсусом и обычной процедурой собрания - роль лидеров. Общепринято иметь формального лидера и свод правил для установления повестки, выступлений, замечаний, голосования и т.д. - что-то похожее на правила Роберта.

Консенсус же подразумевает наличие лидера, но вместо него требует наличия т.н. "подвижников", задача которых помочь группе. Такие подвижники являются решающим фактором для достижения консенсуса: именно они проводят тестирование, побуждают к участию менее активных и разобщенные группы, предлагают различные процедуры, обобщают выраженные мнения и т.д. Идеально, когда члены группы помогают такому "подвижнику", так что в группе исчезает очевидный лидер. Таким образом, консенсус - это метод принятия решений без голосования, что нацелено на участие, сплоченность группы, восприимчивость к новым идеям. В сочетании с методами анализа, динамикой, стратегией, консенсус действительно может быть сильной альтернативой голосованию. Однако, всякий, кто когда-либо участвовал в процессе достижения консенсуса, должно быть, понял, что практика далека от теории. Иногда авторитетные персоны доминируют, и люди, менее уверенные в себе боятся высказывать свое мнение. Поскольку обычно возражения высказываются лицом к лицу, теряется преимущество, даваемое бюллетенем, - анонимность. Собрания могут быть бесконечными, и те, кто не найдет необходимое время, автоматически лишается права голоса. Самая же большая проблема консенсуса - непримиримые конфликты интересов.

Лучшая трактовка этой проблемы дана Джейн Мэнсбридж в книге "За пределами демократии соперничества". Мэнсбридж проводит различие между двумя типами демократии. То, что она называет демократией соперничества, близко по смыслу к выборному подходу. Такая демократия основана на признании противоречивости интересов, права большинства, бюллетеня для тайного голосования и равной защиты интересов. То, что Мэнсбридж называет демократией единства, похоже на дружбу. Основана она на высокой степени общности интересов, методах консенсуса, принятия решений лицом к лицу, равенстве, взаимном уважении. Мэнсбридж детально анализирует оба типа демократии на примере городского собрания в Новой Англии, где формально используется голосование, а на практике часто ищется консенсус, и на примере рабочего коллектива, который использует формальные методы поиска консенсуса. Мэнсбридж указывает, что стандартный подход состоит в признании конфликтности интересов и использовании методов соперничества, в то время как общие интересы более

распространены, чем принято считать. Следовательно, поиск единства часто предпочтительнее, чем развитие конфликта и его углубление. Самый главный ее вывод, который нужен для моих целей здесь, заключается в том, что консенсус имеет еще один изъян: он не способен справиться с глубоким конфликтом, который обычно основан на неравном обладании властью. Трудно представить себе рабочих и администрацию типичного предприятия, пытающихся достигнуть консенсуса. У них нет общих интересов, а часто и должного уважения друг к другу. На самоуправляющемся же предприятии, наоборот, нет деления на служащих и работодателей, поэтому достижение консенсуса более вероятно. Есть и другие типы трудноразрешаемых конфликтов. Представьте себе группу из анархистов, марксистов и либералов (плюс несколько консерваторов к качеству приправы), пытающихся достичь консенсуса в кампании по снижению преступности. При всем желании консенсуса удастся достичь только по самым неглубоким, поверхностным вопросам, так как слишком уж разные у них взгляды на мир и его развитие. Чем больше группа, тем более вероятно наличие в ней конфликтных интересов. Консенсус, следовательно, скорее всего будет работать в малых группах. Но как демократическая альтернатива выборам он не применим в больших коллективах. Таким образом, проблема консенсуса - это проблема самоуправления в больших коллективах.

Малый размер. Одно из решений этой дилеммы - создавать группы небольшого размера. То есть целью является скорее децентрализация, чем централизация власти. Нет никаких внутренних причин, почему, например, образование, здравоохранение, инвестиции, другие функции должны осуществляться на уровне многих миллионов людей, а не тысяч, скажем, или десятков тысяч. Многие сообщества, начиная с античной Греции, были относительно небольшими. Беды выборной системы же принято связывать с громадным населением некоторых государств. Малый размер снимает остроту многих проблем в процессе принятия решений. Даже голосование не столь ограничено, если количество его участников так мало, что каждый потенциально известен всем остальным. Использование консенсуса может быть максимизировано. Далее, малый размер открывает возможность плюрализму политических систем. Фрэнсис Кэндалл и Леон Лоув предлагают "шведскую" модель федерации автономных политических единиц, каждая из которых вправе выбрать свой собственный тип политической и экономической системы. В такой федерации проблемы с внедрением новых методов и цена неудач значительно меньше, чем обычно.

Малый размер может упростить управление, но останутся вопросы, требующие решения на более высоком уровне. К ним относятся, например, глобальное загрязнение и локальные катастрофы. Как же принимать подобного рода решения? Это фундаментальная проблема, поскольку малый размер сам по себе не способен вообще ответить, как вырабатываются решения. Глубокий конфликт интересов может все еще существовать, что делает консенсус недостижимым и, кроме того, может сохраниться проблема

доминирования как результат выборных методов.

Итак, во всех группах, кроме самых крошечных, остается главная проблема - ограниченная возможность активного участия, поскольку не все найдут время подробно ознакомиться с каждым вопросом.

Консенсус подразумевает, что все могут и должны участвовать в принятии решений; если же некоторые просто не смогут прийти, то доминировать будут уже, либо самые энергичные либо те, кому больше нечем заняться. Представительная демократия, наоборот, ставит выборных представителей на ключевые роли в процессе принятия решений. Участие кого-бы то ни было еще ограничено голосованием, лоббированием. В обоих случаях участие очень неравное из-за самой структуры системы принятия решений.

Делегаты и федерации. Излюбленное анархистское решение проблемы координации и участия - делегаты и федерации. Делегат отличается от представителя большей связью с избирателями; делегат может быть отозван в любое время, особенно если он не следует указаниям своих избирателей. Федерации - это способ объединить самоуправляемые субъекты. Члены федерации занимаются выработкой решений по поводу своих собственных дел самостоятельно. Вместе же они собираются для решения вопросов, затрагивающих их всех.

В "слабой федерации" центр обладает только совещательными функциями. В "сильной федерации" за центром закрепляется значительная исполнительная власть в определенных областях. При многоярусной федерации полное участие возможно только на самом нижнем уровне. На высшем уровне проводятся консультации, решается же лишь незначительная часть вопросов.

Делегат, федерация - это звучит как альтернатива общепринятой системе выборов, но здесь наблюдается множество общих черт. Делегатов нужно выбирать, а это приведет к тем же проблемам, что и представительство. Отдельные личности доминируют. Участие в обсуждении неравное, поскольку одни делегаты активно в него вовлечены, в то время как другие - нет. В зависимости от степени важности решений, принимаемых на высшем уровне, существует большая или меньшая опасность появления фракций, раздоров, продажи голосов, манипулирования избирателями. Отличается же институт делегатов следующим: если делегат преследует свои собственные интересы, а не интересы тех, кого он представляет, то он может быть отозван. Однако, на практике этого трудно достичь. Наблюдается тенденция превращения делегатов в формальных представителей. Те, кто были избраны в качестве делегатов, скорее всего, обладают большим опытом и знаниями, чем обычные люди. Однажды избранный, делегат накапливает еще больший опыт и знания, что можно изобразить как ценность высшего порядка. Иначе говоря, отзвывая делегата будет означать дорогостоящую потерю опытного излиятельного политического деятеля.

Похожие проблемы "всплыли на поверхность" в Немецкой Партии Зеленых. Хотя формально ее члены были выбраны в качестве

представителей, партия хотела видеть в них делегатов, установив строгие ограничения на продолжительность их пребывания в парламенте. Однако встретила сопротивление со стороны тех представителей, которые были в состоянии получить необходимую поддержку благодаря своей широкой популярности.

Кроме того, с чисто прагматической точки зрения (которой сложно реально что-то противопоставить) те, кто проработал в парламенте, получил определенный опыт и всеобщее признание, будет лучше способствовать делу партии зеленый. Таким образом, "делегатский подход" неважно сработал даже несмотря на то, что зеленые реально обладают ничтожной властью. В случае, если бы делегаты, действительно, принимали важные решения, последствия были бы значительно серьезнее.

Фундаментальная проблема системы делегатов, поэтому, неравное участие. Не все будут посвящены в тонкости каждого вопроса. Проблема решается гораздо более сильным вовлечением отдельных делегатов в процесс принятия решений за счет остальных. Такое неравномерное участие впоследствии воспроизводит само себя и как бы обрастает новыми пластами. И чем больше их будет, тем серьезнее проблема. Федерация тоже не волшебное средство от всех проблем координации в самоуправляемом обществе.

В этом коротком обзоре нескольких наиболее известных альтернатив выборам, я остановился на их ограничениях и пороках. Но все они имеют и сильные стороны и, безусловно, заслуживают внедрения в существующую систему как ее дополнения или альтернативы.

Метод консенсуса был чрезвычайно подробно разработан за последние два десятилетия как практический способ принятия решений. Потенциал децентрализации также, несомненно, огромен. И в самом деле наибольший успех в достижении консенсуса был в малых группах. Большое внимание уделяется идее федерации и идее сетей, которые позволяют избежать иерархичности, многоуровневости в процессе принятия решений.

Моя цель не в том, чтобы отвергнуть все вышеперечисленные идеи, а в том, чтобы показать их слабые места (и проблемы, противостоящие их осуществлению). Наиболее серьезная проблема — как обеспечить широкое участие в решении большого круга вопросов, затрагивающих каждого человека. Как скоординировать произвольную деятельность огромного числа людей без наделения чрезвычайными полномочиями небольших групп населения? Сейчас я обращаю внимание на "демархию"; которая дает свой ответ на эти вопросы. Разумеется, это не окончательный или единственно верный ответ. Но это подход, обладающий, на мой взгляд, большим потенциалом, и заслуживающий развития, экспериментирования и дальнейшего исследования. Джон Зубе защищает идею "панархии", мирного сосуществования разнообразных методов в добровольной ассоциации. В этом духе, демархию можно считать одним из претендентов на создание своего особого "общества участия".

Демархия.

Наиболее выразительное и яркое описание демархии было дано Джоном Бурнхеймом в его книге "Возможна ли демократия?". Бурнхейм начинает с анализа государства и бюрократии, делает заключение о том, что они являются главным препятствием на пути достижения истинной демократии. Он рассматривает систему выборов как часть проблемы. А поскольку слово "демократия" ассоциируется у людей с представительной демократией, то Бурнхейм придумал новое слово — "демархия" для обозначения своей альтернативной системы. Демархия зиждется на принципе случайного выбора индивидов для работы в группах, принимающих решения в какой-либо конкретной области, например дороги или образование. Забудьте о государстве и забудьте о бюрократе. При "оперившейся", т.е. зрелой демархии они заменены сетью групп, члены которых были выбраны случайным образом, и которые занимаются определенными вопросами в отдельной сфере или районе.

Например, если популяция состоит из 10-100 тысяч членов, то там могли бы быть созданы группы, занимающиеся транспортом, здравоохранением, сельским хозяйством, промышленностью, образованием, отходами, домашними хозяйствами, искусством и т.д., или только отдельными аспектами этих функций, например железнодорожным транспортом.

Каждая группа формируется (из тех, кто желает в ней работать) случайным образом. Группы состоят из 10-20 человек, это достаточно много для представления всего спектра точек зрения, но и достаточно мало для дискутирования "лицом к лицу".

В самих группах для выработки решений можно использовать метод консенсуса, голосование или другие процедуры. Они вправе требовать подчинения, доказательств, подтверждения, обзоров и любой другой нужной им информации.

Перед тем как пойти дальше, стоит поближе ознакомиться с принципом случайного выбора (иначе называемом *sortition*).

Он применялся еще в Афинах как способ демократического отбора, но впоследствии был забыт. Конечно, афинская демократия была ограниченной, поскольку не допускала к власти женщин и рабов. Тем не менее, есть немало полезного, чему следовало бы поучиться у нее.

Одной из целей случайного выбора было увеличение числа участников процесса управления и предотвращение формирования фракций.

Когда собиралась ассамблея, в ее начале большинством выбирался глава. Поэтому исключалась возможность закулисных интриг и предварительного давления на главу с целью направить ассамблею в желаемое заговорщиками русло.

Афиняне также применяли голосование, например на выборах военных начальников. На самом деле они разработали множество демократических институтов, каждый для особых целей. Сегодня либеральные демократы выборочно освещают опыт афинян. Они делают это для оправдания представительной демократии, игнорируя или отвергая *sortition*. Вот и выходит, что сама демократия

определяется сегодня не иначе как представительная демократия.

В наши дни случайная выборка делается, главным образом, для формирования суда присяжных, который существует лишь в США и нескольких других странах. Случайным образом выбираются т.н. "обычные люди", обыватели, для того, чтобы решить судьбу своих собратьев. Суд присяжных является неотъемлемой частью политической структуры, которая ограничивает его потенциал рамками законов, защищающих интересы привилегированных классов, избирательным направлением принудительной силы законов, манипулированием адвокатов, судов, средств массовой информации. Принимая во внимание эти препятствия, присяжные замечательно справляются со своими обязанностями. Многие правительства обошлись без суда присяжных, аргументируя это профессионализмом судей и неспособностью присяжных разобраться в сложных технических вопросах. Есть все основания думать, что среди дюжины присяжных найдется один или двое более компетентных людей, чем средний судья. Бесспорно, что репрессивные правительства присяжных ненавидят. Ведь на них не надавить так легко, как на судей. С точки зрения принятия решений, огромное преимущество суда присяжных - его способность тестирования мнений. Выражаясь в терминах процесса принятия решений присяжные - это форма выработки направления, хотя это и неодобряется многими судьями.

Принимая во внимание то, что большинство присяжных не имеют никакой подготовки в критической оценке доказательств и формулирования заключения, в технике достижения консенсуса или в роли присяжных как таковых, очевиден успех присяжных в выработке решений.

Вместо того, чтобы нападать на суд присяжных, следовало бы развивать методы улучшения его функционирования.

Возвращаясь теперь к Бурхеймской картине демархии, посмотрим, как он трактует основные проблемы участия? Поскольку выборов нет, нет представителей, то и проблемы неравной официальной власти, регулирования числа участников процесса управления, лишения избирателей их права голосования не возникает, по меньшей мере, в их обычном понимании.

Вместо формального участия предлагается случайным образом создать "функциональные группы", то есть группы, занимающиеся ограниченным кругом вопросов. Выборка производится только из тех, кто добровольно пожелал работать в данной группе. Но добровольность обязательна и для политиков, разница - в методике отбора: случайный выбор предпочтительнее выбора осмысленного.

Немного людей изъявит желание участвовать в работе любой группы. Большинство, скорее всего, проявит интерес к особой сфере деятельности, например почтовые услуги, искусство, промышленность строительных материалов или обслуживание нетрудоспособных. Добровольцы смогут стать кандидатами в нужную им группу, а также представить на рассмотрение соображения по осуществлению своей программы.

Демархия решает проблему участия очень изящно. Осознавая,

что невозможно принять участие в обсуждении всех вопросов с полным знанием дела, реализуется попытка избежать всего, что хоть как-то похоже на управляющий орган, который принимает долгосрочные решения по целому ряду вопросов.

Наоборот, за функциональными группами закреплена ограниченная сфера деятельности. Люди, озабоченные конкретной проблемой, могут искать пути влияния на политику именно в этой области. Они могут оставить другие вопросы на рассмотрение другим группам или людям, заинтересованным в их решении. Это и есть децентрализация процесса принятия решений скорее по принципу функциональной принадлежности вопроса, чем по географическому или количественным признакам. Однако, такой подход (отдать решение вопроса тем, кто в нем больше заинтересован) таит свои опасности: получив власть, заинтересованное лицо или группа могут вообще отстранить остальных. Это обычно и происходит во всех организациях, будь то правительство, корпорация или общественное движение. Демархия трактует эту проблему с точки зрения принципа случайного отбора. Никто не может быть застрахован от формальной роли участника процесса принятия решений. Но сроки службы строго ограничены, и поэтому никакая постоянная группа не сможет развиваться. Следом вырисовывается другая проблема. Не будет ли в группах определенного "крена" в какую-либо сторону, так как только люди определенного сорта выскажут желание добровольно работать в группе? Не получится ли, например, так, что большинство групп составят мужчины среднего возраста? Здесь нет тупика, поскольку можно придумать способ как организовать выборку, чтобы избежать "крена", диспропорции. Предположим, например, что 80 мужчин и 20 женщин - кандидаты в группу из 10 человек, в которой желательно иметь равное количество мужчин и женщин. Метод состоит в том, чтобы отобрать 5 мужчин из 80 и 5 женщин из 20. Таким образом, мы поддержали половой баланс в группе, что соответствует существующему балансу в обществе, даже если количество добровольцев было неравным. Тот же принцип может быть применен в отношении этнического происхождения, социальной группы, возраста, занятия или вероисповедания. Все это может звучать вполне логично, но кто должен принять решение о том, какие группы должны существовать и как они должны быть представлены? В конце концов, если каждая группа образуется по своим правилам, то возможны злоупотребления.

Решение Бурхейма заключается в так называемых группах второго порядка. Существуют группы, действующие аналогично судебной системе, но в рамках демархии. Группы второго порядка занимаются только процедурными вопросами, такими как 1) существование каких групп (первого порядка) необходимо, 2) как должна проводиться (случайная) выборка и т.д. и т.п.

Очевидно, что члены групп второго порядка должны иметь опыт работы в группах первого порядка. Как же их выбирать? Бурхейм предлагает сделать этот выбор из числа членов групп первого порядка, наиболее подходящих для работы в группах второго

порядка. Боб Джеймс возразил на это, что такой способ противоречит главному принципу демархии, гласящему, что случайный выбор заинтересованных лиц предпочтительнее выбору на основе популярности. Поэтому Боб Джеймс предлагает выбирать группы второго порядка тоже случайным образом из членов групп первого порядка.

Мое предположение состоит в том, что разница между двумя процедурами в данном случае не будет существенной. Даже при случайном отборе те люди, которые себя хорошо зарекомендовали, будут "подстрекаемы" со стороны коллег "баллотироваться" в группы второго порядка. Результат выборки поэтому мало отличается от результата осмысленного выбора. В конце концов, ограниченный срок пребывания в группе второго порядка предотвратит узурпацию власти в любом случае.

Несколько черт отличают демархию от представительной демократии включая принцип случайного выбора, функциональные группы, ограниченный срок пребывания в них, уничтожение государства и бюрократии. Некоторые из отличий могут выглядеть как реформы представительной демократии. Например, ограниченный срок службы, скажем 2 года, предотвратил бы узурпацию власти в системе представителей. Почему же при демархии следует активнее поддерживать требование сменяемости членов групп? Одно из различий лежит в области легитимности самого принципа отбора. Представители оправдывают свое положение тем, что были выбраны большинством голосов. Положение же членов функциональных групп опирается на легитимность самого процесса случайного отбора. Власть случайно выбранных индивидов легитимна потому, что оправдывается регулярной сменяемостью, а не народным мандатом или квалификацией. Этот тип легитимности позволяет легко расширить срок своих полномочий. Подобную же разницу можно усмотреть в обычно более длительном сроке пребывания на посту судей (независимо от того, назначаются они или выбираются) по сравнению с присяжными.

В данной статье нет возможности рассмотреть все вопросы, поднимаемые концепцией демархии. Достаточно сказать, что есть еще много нерешенных проблем и огромное поле деятельности, экспериментирования. Я упомяну здесь лишь о некоторых проблемах. Первое, Бурнхейм отверг государство и бюрократов. Таким образом он отказался от эшелона исполнителей, выполняющих решения. Бурнхейм заявляет, что группы сами будут выполнять свои решения. Это прекрасно звучит в теории, но что это означает на практике? Второе, как будет осуществляться принуждение? Ведь без государства нет и полиции. Понятно, что решения будут эффективными, если люди их исполнят, а это зависит от общей легитимности системы. В действительности, не так уж это отличается от многих аспектов современного общества. Большинство людей принимают необходимость действовать разумно, когда дело касается детей, публичных парков или частной собственности, даже когда возможности полиции или законных санкций ограничены.

Насилие играет лишь незначительную роль в повседневной жизни общества. В обществе с широким вовлечением людей в управление, оно будет играть еще более незначительную роль. В итоге непопулярные решения придется исправлять из-за неповиновения населения.

Без государства не будет и вооруженных сил. Как же общество защитит себя от внешней агрессии? Один из вариантов - вооружить людей. Однако, самой удачной альтернативой вооруженной обороне можно считать социальную оборону, основанную на ненасильственном сопротивлении народа. Демархия и социальная оборона обладают многими общими чертами. Третье, большой вопрос - природа экономической системы при демархии. В принципе, с ней совместимо несколько типов экономики. Можно было бы заключать контракты на оказание услуг как с частными компаниями, так и с самоуправляемыми коллективами. Однако, демархия не совместима с бюрократическими экономическими системами, будь они социалистическими или капиталистическими.

Бурнхейм выступает за распространение принципов демархии на экономику. Например, им предлагается создать группы для выработки экономических решений, касающихся какой-либо территории, региона. Может быть установлена рента за пользование землей, которая займет место налогов, поскольку последние некому собирать. Здесь Бурнхейм пытался применить идеи Генри Джорджа, предлагая распространить их не только на землю, но и на денежную систему и труд. При этом гарантом пресечения попытки проникновения корыстных интересов в политико-экономический процесс должен стать принцип случайного выбора. Однако, все эти предложения еще весьма неопределенны.

Еще одна важная проблема, касающаяся участия. А что, если не окажется добровольцев? Или их окажется недостаточно, чтобы обеспечить квоту? В некоторых случаях это могло бы быть признаком успеха. Если все идет своим чередом, и это устраивает большинство населения, то нет никакой надобности становиться членом какой-либо группы. И наоборот, в спорных областях наличие добровольцев вряд ли будет проблемой. Ведь если отдельные вопросы, такие как аборт или генная инженерия, порождают горячие споры, то заинтересованные индивиды и группы приложат определенные усилия в поиске сторонников и убедят их предложить свою кандидатуру для случайного отбора. В самом деле, любое непопулярное решение приведет к мобилизации людей и увеличению числа желающих работать в соответствующей группе. Кроме того, круг добровольцев должен охватывать все возможные категории населения: мужчин и женщин, молодых и старых и т.д. Как результат, в наиболее спорных областях будут работать самые информированные и заинтересованные. В других областях дела будут вестись теми, кого не столь сильно затрагивает решение спорных проблем.

Было бы просто и дальше рассуждать о гипотетических свойствах демархии. Но стоит ли останавливаться на предположениях? Ведь Бурнхейм, хотя и нарисовал одну из самых

ярких картин демархии, но он далеко не единственный, высказывающий идеи этого рода. В конце концов, принцип случайного выбора известен с античности, и нет ничего удивительного, что его приверженцы появляются сейчас и, наверняка, появятся снова. В модели Бурнхейма принцип случайного выбора применяется в децентрализованном "обществе участия". Эрнст Калленбах и Майкл Филипс, наоборот, отстаивают идею применения этого принципа в Конгрессе США, предлагают заменить Палату Представителей - Представительной Палатой; у этого предложения немало достоинств, но оно оставляет нетронутой власть государства.

Особый интерес представляют те, кто тщательно исследовал принцип случайного выбора на практике. Один из них - Нед Кросби - политолог из Миннесоты (США). В 70-х годах Кросби разработал свою собственную, правда более централизованную, чем у Бурнхейма, политическую систему, элементом которой является принцип случайного выбора. Но не найдя издателя для публикации своей книги, он решил взяться за практическое воплощение своей идеи. Кросби учредил организацию, которая теперь называется Центр Джефферсона по исследованию новых демократических принципов. В основном центр занимается практическим экспериментированием в области применения принципа случайного выбора для выработки политического курса.

Один из проектов касался вопроса, учреждать или нет специальные школы-клиники для беременных подросткового возраста и подростков с венерическими заболеваниями. Центр Джефферсона организовал несколько групп из случайным образом выбранных людей, которых они называли политическими присяжными. Таких групп было 8 (по числу избирательных округов Миннесоты) по 12 человек в каждой. Сначала по телефонному справочнику произвольно отобрали 100 номеров в каждом округе. Далее выясняли взгляды владельцев этих номеров на создание школ-клиник. В соответствии с демографическими характеристиками населения штата (этническое происхождение, пол, социальная группа) были образованы пулы присяжных. Затем из каждого пула случайным образом отобрали 12 человек. Они были приглашены в группы присяжных. При этом соблюдалось процентное соотношение противников и сторонников школ-клиник, обнаруженное в ходе предварительного опроса жителей по телефону. Таким образом, состав присяжных практически полностью соответствовал общей структуре населения как в отношении его демографических характеристик, так и в отношении первоначальных взглядов на обсуждаемую проблему.

Присяжные каждого округа провели "слушания": они выслушали различных экспертов, доводы обеих сторон и обсудили дело между собой. К концу четвертого дня каждая группа присяжных провела голосование. Каждый присяжный заседатель обосновал свою точку зрения и дал дополнительные рекомендации. Был оценен и опыт работы в подобного рода группах. Кроме 8 окружных групп присяжных, была образована группа политических присяжных штата из 24 человек по 3 из каждого округа. Выбор в эту группу

проводился аналогично вышеописанному. Рекомендации присяжных были опубликованы в средствах массовой информации и представлены законодателям штата. Во время эксперимента Центр Джефферсона обеспечивал необходимую поддержку. Он составлял отчеты, проводил выборку, собирал присяжных, договаривался с экспертами, координировал обсуждения присяжных, публиковал рекомендации. Чтобы эксперимент имел вес, была необходима гарантия его "чистоты", т.е. сам Центр Джефферсона не мог быть сторонником какой-либо точки зрения по обсуждаемому вопросу. В приведенном выше описании я лишь обрисовал основные контуры эксперимента. Безусловно есть и детали, которые могли заинтересовать. На главный же вопрос "Как хорошо это сработало?" можно ответить кратко: "Замечательно". Ключевая заслуга в этом самих присяжных. Они быстро освоились со своей ролью; восприняв все очень серьезно и продемонстрировав хорошую хватку, выработали "разумные" рекомендации. Присяжные высоко оценили и процедуру в целом.

Внешний мир позитивно отнесся к присяжным. Им были даны благосклонные оценки средствами массовой информации, и их серьезно приняли политики, признавшие ценным "народное" происхождение их взглядов. Подобные эксперименты Центр провел также по вопросу загрязнения воды сельскохозяйственными химикатами.

Группы присяжных не являются эквивалентом демархических групп. У присяжных нет формальной власти, которая принадлежит выборным представителям. Присяжные могут только повлиять на политику благодаря убедительности своего мнения и процесса, приведшего к его выработке. Однако, в известном смысле присяжные не так уж сильно отличаются от демархических органов, чья власть будет опираться на общественное признание.

Можно извлечь несколько уроков из экспериментов Центра Джефферсона. Первое, случайный выбор можно рассматривать как легитимную базу процесса, ведущего к выработке политических рекомендаций. Второе, участники эксперимента были активно вовлечены в процесс принятия решений, что обогатило их практическим опытом и, возможно, "пробудило аппетит" к политической деятельности. Третье, необходимо тщательное и внимательное планирование для достижения успеха эксперимента. Следовало бы помнить, что огромная энергия, затрачиваемая на предвыборную кампанию с целью узаконить чью-либо политическую деятельность, по справедливости должна бы быть посвящена демархической альтернативе. И, наконец, политические присяжные представляют собой промежуточную стадию на пути к демархии. Кросби видит в принципе случайного выбора шанс для деформирования и оживления демократии в США, способ заставить правительство ответственно подходить к волеизъявлению народа. Демархия же в том виде, как она была описана здесь, наиболее фундаментальная перестройка общества, уничтожающая государство. Налицо разница в целях, но она не обязательно влечет за собой специфические проблемы.

В конце концов, нужны практические шаги, ценные как сами по себе, так и в качестве основы для фундаментальных перемен. Кооперативы могут быть не только опытом предпринимательства, но и шагом на пути к экономике, основанной на производстве для потребления, а не для прибыли. Аналогично, политические присяжные не просто эксперимент, но и шаг на пути к демархии.

Совершенно независимо от Центра Джефферсона аналогичные проекты были осуществлены Питером Динелом из университета Вуппертала в Западной Германии в 70-х годах. Группы случайно выбранных граждан назывались "планирующими ячейками". Они занимались такими вопросами как энергетика, городское планирование и информационные технологии. Обычно эти группы собирались на 4 дня для дискуссий, обсуждений, причем производилась материальная компенсация. Планирующие ячейки весьма похожи на присяжных. Здесь я упомяну только основное, специально сфокусировавшись на отличиях. Во-первых, планирующие ячейки обычно обсуждали более широкие темы. Вместо того, чтобы сконцентрироваться на частном вопросе типа школ-клиник, они занимались фундаментальными проблемами. Например, при рассмотрении энергетической политики выдвигалось несколько предположений: от totally ядерного будущего до появления замкнутых, возобновляемых энергетических технологий. Подобные мнения высказываются и в ходе обычных политических дебатов. Но очень редко они противостоят друг другу столь радикально, так как при нормальном развитии политического процесса решаются проблемы текущего периода и конкретных проектов - предоставление земельных участков, выделение фондов и т.д. и т.п. Планирующие ячейки Динела способны справиться с ограниченным взглядом типичных политиков, не простирающимся дальше следующих выборов. Второе, планирующие ячейки хорошо использовали технические приемы работы в малых группах. Большую часть времени 25 членов "ячеек" проводили в обсуждениях по 5 человек. Принимая во внимание тот факт, что политические присяжные были созданы по образу и подобию реальных присяжных, и проводили слушания, обсуждения полным составом, можно отметить, что планирующие ячейки больше ориентированы на взаимное понимание и поддержку членов группы. Но эти различия несущественны по сравнению с огромным сходством в принципе отбора членов группы с целью выработки политических решений. Поразительность результата этих экспериментов состоит в том, что большинство случайным образом выбранных добровольцев быстро разбираются в вопросе и активно участвуют в процессе принятия решения.

К демархии.

Между несколькими экспериментами с политическими присяжными и планирующими ячейками, с одной стороны и картиной Бурнхейма, с другой, как говорится "дистанция огромного размера". Какую же стратегию надо избрать для приближения к демархии? На этот счет у Бурнхейма есть несколько идей. Он считает, что как только правительственные органы себя дискредитируют, они могут

попытаются применить демархические методы, чтобы вернуть доверие народа. Например, предположим, что здравоохранение полностью развалено серьезными бюджетными кризисами, коррупцией, диспутами о зарплате или внедрении высокотехнологического оборудования, о вспомогательных службах и т.д. и т.п. Подобная картина, увы, не фантастика. В этой кризисной ситуации передача управления в руки случайно выбранных групп может выглядеть в глазах государственных мужей одним из путей преодолеть кризис и легитимизировать здравоохранение. Этот или другой сценарий могут показаться правдоподобными, но они не дают практического руководства к действию. В конце концов, в обществе полным-полно непопулярных, дискредитировавших себя и коррумпированных институтов, но это редко приводит к существенным переменам в методах принятия решений.

Поставим вопрос конкретнее, как следовало бы содействовать демархии в подобной ситуации? Лоббированием государственных руководителей? Распространением идеи среди населения? Ясно одно. Идея демархии должна стать более известной до того, как появится хоть малейшая возможность ее воплощения. Экспериментирование с политическими присяжными и планирующими ячейками необходимо для накопления опыта и распространения идеи участия через случайный выбор. Ограниченность такого подхода в том, что он не связан с основными общественными группами, которые смогли бы мобилизовать людей на осуществление альтернативы.

Среди этих "основных общественных групп" немало таких, которым идея демархии враждебна. К таким группам относятся правящие круги, лидеры профсоюзов, политических партий, военные, профессионалы и т.д. Ведь истинное участие народа в управлении угрожает прерогативам элиты. На мой взгляд, наибольшую поддержку можно ожидать от общественных движений: активистов движения за мир, феминистов и т.д. Такого рода группы заинтересованы в расширении числа участников, что способствовало бы достижению их целей больше, чем существующая правящая элита. Общественные движения могли бы попытаться поставить вопрос о демархии в повестку дня, используя лобби, листовки, пропаганду среди широких слоев населения.

Демархия, однако, не должна рассматриваться только как вопрос политики или институт, который надо ввести в общество в результате давления народа. Демархия может быть для общественных движений средством. Иначе говоря, они могут применять методы демархии для выработки своих собственных решений. Возможно, это кажется трудноосуществимым. Но в конце концов многие общественные группы уже используют консенсус формально или *de facto*. Общепринята и система делегирования. Поэтому вряд ли покажется большим нововведением применение принципа случайного выбора для принятия решений в масштабах, когда прямой консенсус труднодостижим.

К сожалению, вряд ли дела пойдут по этому пути. Во многих случаях, особенно в больших национальных организациях, развития

бюрократическая система, сильные позиции занимают харизматические лидеры. А они как все политики, вряд ли поддержат поворот к новой системе принятия решений. (Этот поворот сам по себе может стать предметом обсуждения с применением принципа случайного выбора. Да и любое другое новшество, угрожающее элите или основным общественным образованиям должно давать им какие-то плюсы.) Тем не менее общественные движения являются самыми многообещающими сторонниками демархии. Если они начнут использовать ее методы, то будут более эффективно защищать их. Кроме того, полное представление о демархии без государства и бюрократии можно получить скорее в незабюрократизированных общественных движениях, чем среди руин правительственных учреждений. Наиболее многообещающие шансы в содействии демархии имеет промышленность. Различные иерархические структуры: корпоративный менеджмент, правления и профсоюзные боссы, - противостоят рабочим со всех сторон. На нижних этапах производства накоплен немалый опыт сотрудничества в процессе принятия решений, трудности возникают на высших ступенях иерархии. Реальной альтернативой этому положению может стать создание координационных советов, состоящих из рабочих и управленцев, выбранных случайным образом на небольшой период времени. Такой подход преодолевает пороки всех форм представления, будь то, например, представительство в виде делегатов рабочих от профсоюзов (зачастую оторванных от тех, кого представляют) или в виде номинально участвующих в управлении рабочих на советах корпораций. Демархические же группы дают возможность реально вовлечь нижние слои непосредственных исполнителей в управление на большом предприятии. Ключевую роль здесь играет верное представление о демархии не как о политической альтернативе, внедряемой сверху, а как о методе действия как таковом. Тогда вполне логично ожидать поддержки от тех, кто использует технику демархии как средство в своей работе.

Нет необходимости говорить, что будущее демархии не может быть запланировано. Это наталкивает на раздумья по поводу гипотетических проблем. Общие же формулировки Буркхейма чрезвычайно ценны из-за целостности картины. Ясно лишь, что методы демократии уже опробованы, исследованы, с их помощью достигли успеха и потерпели ряд поражений, теперь надо их исправлять и совершенствовать. То есть процесс развития и опробования альтернатив необходим, если мы только хотим найти "общество участия". Верно, что немало стоящих реформ было осуществлено через старые каналы выборной системы, однако это не оправдывает пренебрежения к новым структурам, среди которых и демархия. Конечно, это не последнее слово в политических исследованиях, но тогда очевидно, что им не является и существующая система выборов.

Выборные методы - вот что вновь заставило меня вернуться к зеленым. Они, действительно, стали примером динамичного политического развития, но войдя в рамки выборной системы,

сократили тем самым свой потенциал как реформаторов, способных на перемены. Именно популярные, харизматические лидеры зеленых, как ни странно, представляют наименьшую угрозу устоявшимся властным структурам. Их успех на выборах станет гарантом продолжения традиций старой политической системы.

ПРИНЯТО
на учредительной конференции
" 20 " июня 1993 года
Протокол N 1

ПРОГРАММНЫЕ ТЕЗИСЫ "СОЮЗА ВОЛЬНЫХ ТРУЖЕНИКОВ" /СВТ/

1. Главной целью "Союза Вольных Тружеников" (далее СВТ) является постепенный переход к безвластному обществу, основанному на принципах АНТИЭТАТИЗМА, ФЕДЕРАЛИЗМА, АНТИМИЛИТАРИЗМА и ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА.

2. СВТ предлагает безвластное гражданское (народное) самоуправление, федеративное социальное устройство, а также свободную координацию деятельности на основе глобальной информатизации общества.

3. СВТ провозглашает основополагающими принципы РАВНОЙ ДЛЯ ВСЕХ СВОБОДЫ, НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ, а также принцип СВОБОДНОГО ДОГОВОРА, предусматривающий неукоснительное соблюдение добровольных соглашений.

В качестве инструментов их осуществления признаются - прямое народное законодательство (т.е. решение всех наиболее важных вопросов на местных референдумах) и суды присяжных, выносящие общественный приговор на основе совести и здравого смысла.

4. В экономической сфере СВТ поддерживает свободные рыночные отношения, конкуренцию, многообразие и равноправие различных реальных форм собственности (индивидуальной, частной, коллективной), а также деятельности независимых профессиональных и общественных объединений, создаваемых для защиты экономических и политических интересов, но, вместе с тем, полностью отрицает классовую теорию и, соответственно, классовую борьбу.

5. Для локализации массового и индивидуального насилия, как главного и опаснейшего проявления власти, СВТ предусматривает его постоянную дискредитацию при помощи широкомасштабной пропаганды антимилитаризма и пацифизма, образование с целью эффективной самозащиты общественных, территориальных и иных формирований самообороны на основе законодательно закрепленного права граждан приобретать, владеть и использовать оружие для защиты своих прав и свобод.

6. В национальном вопросе СВТ придерживается позиции, вытекающей из принципов интернационализма, а именно - межнациональный и межрасовый мир, признание условности границ